

Владимир Шапко

ИНЖЕНЕР
АБРАМИШИН

Повесть

16+

Владимир Шапко
Инженер Абрамишин

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Шапко В.

Инженер Абрамишин / В. Шапко — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Инженер Абрамишин по лимиту хорошо зацепился в Москве. Он полностью доволен, счастлив "на празднике жизни". Но попадает в расставленный на него силлок, ловушку, выхода из которой у него нет.

Содержание

1	5
2	6
3	7
4	8
5	10
6	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

1

Михаил Яковлевич Абрамишин на рассвете уже беспокоился, не спал. Нужно было выпроваживать, знаете ли. Трепетными пальцами поглаживал её жиденькие мелкозавитые волосы, которые на ощупь были прохладными, вчера, перед свиданием, видимо, вымытые шампунем. Господи, разве могут эти жалкие волосишки произвести впечатление на мужчину? Разве могут? Он жалел её. Он жалел её до слез. Как родитель её. Как отец. Он жалел сейчас всех некрасивых женщин на свете. Как своих дочерей. И её вот тоже, и её! С мгновенно вылупившимися глазами он тут же устанавливал её на тахте. Сжимал зубы, закидывал голову. Со слетевшим за ухо зачёсом, как Соловей-разбойник с длинным жёлтым свистом.

Потом женщина целовала его. Но он уже торопил её. Соседи, соседи, знаешь ли. Ждал, когда она оденется. Быстро проводил до двери, сунул пять копеек на метро, потрепал грустное личико. Всё, всё, всё! Позвоню! Чао! До конца прослушал торопящуюся по лестнице женщину, побежал в квартиру, прыгнул на тахту, почти тут же уснул.

...Прежде чем перебраться в большую комнату в двухэтажном доме по улице Благоева 3, из которой вот-вот должны были отправить в последнюю эвакуацию восьмидесятилетнюю Фани Фейгельсон, в дом, где остальные обитатели тоже были из эвакуированных и почти все между собой родственниками – Фрида и её новый муж Янкель, часовых дел мастер, старше жены на двадцать лет, и их только что родившийся ребёнок жили на квартире у старухи Агафоновой, в мазанке, через дорогу наискосок от этого самого двухэтажного каменного дома. Комнатёнка у Агафоновой была настолько мала и тесна, всегда так жарко натоплена, столь часто тонула в пару стирки, а затем в палестинских лагерях из простыней и пелёнок, что высвеченный низкой лампой голенький младенец, дожидаясь смерти прабабки, от жары всё время сучил на кровати ножками-ручками. Словно бы всё ещё находился в красной тесной и душной материнской плаценте.

2

Проснувшись, Михаил Яковлевич зевал, потягивался в постели. Затем, вспорхнув с тахты, побежал в ванну.

Перед зеркалом с удовольствием намазывал щёки помазком. В импортном креме помазок таял. Потом тоже импортный ножичек, лаская, снимал всё со щек и подбородка с первого раза. Щёки под пальцами ощущались словно терпкое стекло. Придвинувшись к зеркалу, хлопнул по ним. Лосьон – тоже импортный. Всё при желании можно достать. Из зеркала на него смотрел новорожденный младенец. Нос вот только. Но – это вопрос времени. Всё можно сделать, всё можно исправить.

Встал в ванну. Хорошо измыленное мыло походило на розовый бюст дамы. Приятно было катать, измыливать его.

Под душем – пел. Носовым, предназначенным только для дам, козлетоном. Совершенно не в ту степь. Слуха не было никакого. Но об этом словно бы не знал. Настроение было отличное. И подпортилось оно только на кухне. Из-за этих нерях. Потому что пришлось ножом, а потом железной тёркой счищать гарь со сковородки. Под струей воды. В раковине. Ничего не умеют делать, дурочки! Ничего! И главное – все всегда лезут на кухню! Показывать лезут, показывать, какие они замечательные хозяйки! Как прекрасно они готовят! Вот что удивительно!

...Когда Мойшик принимался орать, притом орать всегда неожиданно, казалось, ни с того ни с сего (только что был весёлый, сучил ножками, только что хорошо отпал от пудровой груди Фриды, и нате вам!) – в двухэтажном доме сразу начинался переполох, и все бежали на первый этаж за семнадцатилетним дядей Мойшика, Робертом, студентом мединститута. Длинный, сложившийся на стуле трансмиссией, студент откладывал на стол большую медицинскую книгу. Вставал, подбивал повыше на нос очки, шёл за суетящимися возбуждёнными женщинами, мальчишками и девчонками. (Весь гамуз сопровождал специалиста! Весь!) Уперев руки в бока, молча смотрел на горланящего племянника. Точно проверяя матрац (на упругость), резко тряс вокруг крикуна. Длинными пучками пальцев. Точно беспокоил клопов. Выпугивал. Выгонял. Подпрыгивающий племянник реагировал не так, как надо. Ещё пуще заходил. Не берёт.

Эскулап сопел большим носом. С боков к нему заглядывали ещё два носа поменьше, семи и восьми лет, то ли племянники его, то ли двоюродные братья. Приходилось применять самое действенное средство. Дядя брал детские ступняшки в горсть и начинал подкачивать племянника. Подкачивать как примус. Доводить крик его до нужной кондиции. Затем резко, коротко дул ему прямо в рот, в крик. Превратив себя в мгновенную, безжалостно-острую примусную иголку. Мойшик испуганно пыхал какое-то время, захлебываясь, суча ножками-ручками – и разом умолкал. Очень удивлённый новыми ощущениями внутри себя, хлопая белесыми ресничками. Порядок, говорил дядя Роберт. Шоковая терапия. (Вон, оказывается, откуда всё пошло-то...)

С достоинством шёл из комнаты. Вместе с ним шла рекомендация врача: заорет – на руки ни в коем случае. Только шоковая терапия. Малолетние два племянника поторапливались впереди, чтобы опять подать ему большую книгу, а потом по кивку его головы переворачивать страницы. А маленький Мойшик уже сидел, подбитый подушками, словно бы смущался, извинялся за такой переполох – два пальчика на голых ножках цеплялись, цеплялись друг за дружку.

3

После завтрака, не торопясь, со вкусом одевался. Натягиваемые шёлковые чёрные носки льнули к ноге, ощущались чёрным, плотным, холодящим лоском. Белая, с коротким рукавом рубашка хорошо пахла свежей порошковой стиркой и заглаженным зноем утюга. Галстук, завязываемый перед зеркалом, играл на шее орхидеей. Серые, слегка расклёшенные брюки хорошо, рельефно-сексуально схватывали, подчёркивали пах и бедра. Так. Можно бы и ограничиться всем этим: белая рубашка с коротким рукавом, длинный галстук – деловой демократичный стиль, стиль инженера НИИ Абрамишина, – но предстояла (возможно) встреча с Молибогой (не забыть по имени-отчеству, Анатолий Евгеньевич), поэтому требовалась корректность, некоторая даже официальность в одежде. Блейзер. С капитанскими золотыми пуговицами. Синий бельгийский блейзер. Купленный за 120 р в прошлом году. Их тех, по фасону которых шьют спортсменам и тренерам, выезжающим за рубеж. В которых наверняка они будут щеголять на предстоящих в Москве Олимпийских Играх всего через год. С пышными гербами СССР. Как с хризантемами на левой стороне сгруды. Хорошо бы заказать в ателье такую же хризантемку. Жаль, что нельзя. Так. Длинный блейзер сидит несколько просторно. Но сейчас это модно. Ниточку с рукава. Соринку. И, наконец, обуваться. Как жёстко фиксируя всё предыдущее, как ставя точки – с длинной железной ложки пятки соскальзывали, тупо вдаряли в туфли. Раз. И ещё раз. Отлично! С одеждой и обувью всё в порядке. Зачёс вот этот ещё. Опять за ухо упал. Правда, что Соловей-разбойник с повисшим свистом. Наказание божье. Прокинуть, прокинуть его. Слева направо. Затем расчёской. Тщательно уложить. Вот так хотя бы. Теперь газ, свет везде. Ключи. От квартиры. В которой могут... лежать деньги. Всё. Смело на выход.

...В упрямой, можно сказать, медной голове Фриды крепко сидело тоже, наверное, медное, никак не забываемое ею выражение: «Он менял женщин как перчатки!» Покачивая на руках маленькую сестрёнку Мойшика, родившуюся почти через пять лет после него, она так и говорила: «Да, он всегда менял женщин как перчатки!» Как пощёчины, выделяя два последних слова – «как перчатки!» Было непонятно только, кто – менял? То ли первый муж, который бросил её после трех месяцев совместной жизни. То ли второй, который был на двадцать лет старше её и не бросал пока, но который тоже в своё время – ого-го!.. На всякий случай Янкель (второй муж) передёргивался, как от озноба, и скорее склонялся над разобранными часами, предварительно зажав линзу правым глазом. «Да! – повторялось зло и даже торжественно, – он менял их как перчатки!» Маленький Мойшик внимательно вслушивался в эти слова мамы. Может быть, уже тогда чувствуя, но не понимая ещё в них того мистического, рокового значения, мимо которого даже взрослый человек иногда проходит просто так, не обратив внимания.

4

На выходе из подъезда столкнулся с Голиковой. Соседкой по лестничной площадке. С мусорным пустым ведром её. Ведро аж прогромыхало, ударившись о дверь. (Нехорошая примета.) Извинился, конечно, поздоровался. За собой услышал долгое, непонятное хихиканье. Оглянулся даже. Голикова удерживала пустое ведро, как порученное дело пионерка: двумя ручками. Впереди себя. Скромненько. Покачивая его. И всё хихикала, хихикала. Странно. Дура. Староста подъезда ещё. Подглядывает всегда в свой дверной глазок. С кем ты пришел. Кто от тебя вышел. Сплетница. Всё время в квартиру твою хочет попасть. Начинает подпрыгивать даже. С глазками-пульками. Как у востроносенького пуделька. Высмотреть стремится. Когда ты с ней разговариваешь в двери, одетый по-домашнему. В чешский махровый халат. Подпрыгивает. Дура. Ещё хотел с ней познакомиться поближе. Пожалеть. Как можно ошибиться в женщине!

Настроение улучшилось только на улице. Когда стал разглядывать, как бы коллекционировать встречаемых женщин. (Не все же такие, как эта Голикова!) Когда начал раздевать, оценивать, снова одевать. Любоваться, знаете ли. Вот, к примеру, идёт одна. Чёрные жёсткие волосы пучком вбок вывернула – как своеобразный фонтан нефти. И – без лифчика. Новая мода. Захватывающее, знаете ли, зрелище. Коллекционная дама. Долго оглядывался. И вдруг ещё одна! Такая же! Только волосы другого цвета! Под седину! Как будто вскрытая бутылка шампанского мимо тебя прошла! Сегодня везёт на коллекционных. Везёт! Можно даже потерять ручки!

На автобусной остановке взгляд автоматически отмечал. Короткая Юбка На Скамейке, тощие ноги из-под которой были поставлены не без кокетства – вместе и набор, как падающие кегли. Рядом с ней сидела Нога На Ногу. Тугие, открытые чулки были как масло. А ещё одна женщина – стояла. Низенькая. В платье кулёчком. Со стеснительными ножками. Изумительный, знаете ли, триптих!

Когда садился в автобус, водил перед ядреным задком Короткой Юбки растопыренными пальцами. (Так лупоглазый маг ведёт по воздуху перед собой сверкающий шар.)

Радуюсь, с шальными глазами мальчишки сидел рядом с другой женщиной. Средних лет. Крупные коленки женщины воспринимались белыми баловнями. Эткими баловнями судьбы. Дух, знаете ли, захватывало. А в окне большая копна волос её, путаясь с солнцем, неслась, подобная большому пожару. Хотелось петь, смеяться. И пролетал вместе с торцом здания запечатлённый человек. С откатным лбом дамбы, с цепными звездами на груди: всё хорошо, товарищи! жизнь прекрасна!

... Три воспитательницы в белых халатах сидят на низкой приступке детской песочницы. Ноги – вытянутые – лежат на песке. Женщины с любовью осматривают их. Щурятся на солнце, вяло перекидываются словами, не обращая внимания на пробегающие, истошно кричащие, тощенькие теньки. Одна Фрида колготится с детьми. Ей положено, она – няня. Год работает, а привела (внедрила) уже весь свой кагал. Детский. Пять или шесть ребятишек уже там. В общей куче. Малолетние племянники её. Чёрт их там разберёт! Малолетний Мойшик. По всем группам насовала. А Фрида косится на бездельниц. На этих барынь с вытянутыми белыми ногами. Фрида старается. Фрида везде поспекает. Невысокая, сутулая, с вынесенным вперед, распахнутым тазом. Как с околотком, по меньшей мере. Где всё словно бы помещается. Где при желании и некоторой доли фантазии можно бы, наверное, увидеть и самого околоточного со шнуром и револьвером, и толстопятый трактир, который всегда ходит ходуном, и покачивающегося возле трактира кучера в обнимку с умильной мордой лошади, и ситцевых кухарок, идущих с большими корзинами, из которых колыхается поросль утиных головок или торчит

одна-разъединственная удивлённая голова гуся. И солидных дам под зонтиками с бегающими собачонками-поводырьками. И прислугу тут же с их детьми, как раскормленную сдобу с марципанами, И молодых дам, тоже с зонтиками, но с талиями и робкими ридикулями мешочком. И – как саранчу – их кавалеров с тросточками. И винтоногого чиновника в поклоне, с улыбкой Моны Лизы пред проносящимся тарантасом начальника. И чумазных ремесленников в мастерских, этих непохмелённых каторжан с тоской в глазах протяженностью в шахту. И, наконец, – как здесь вот, во дворе садика, – можно увидеть прямо-таки воробейных, вездесущих ребятишек, которые носятся стайками, которые всегда рядом со всевозможными катастрофами и за которыми нужен глаз да глаз: куда! к-куда полезли! это же помойный ящик! ящик! назад! немедленно назад! о, Господи!..

И только трёхлетний Мойшик слонялся в стороне от всего околотка. Стоял-покачивался где-нибудь, выводя носком сандалика застенчивый фамильный вензель. Или разглядывал писю у двоюродной сестры Сони, когда играл с ней в доктора. За кустом сирени, у забора... «Вы что тут делаете, а? Ах вы такие-сякие!» Фрида, боязливо оглядываясь, потихоньку поддавала негодникам, стараясь не шуметь в кустах.

5

Перед гостиницей «Россия» из подплывшей чёрной «Волги», неуклюже ворочаясь, вылезла очень полная дама. Широка и необъятна она была – что страна моя родная! Такая могла быть в обиходе только у Первого Секретаря Обкома Партии. (Это почему же? А-а! секрет!) С большим достоинством дама пошла к лестнице, к входу в гостиницу. Янтарь размером в прибрежную гальку катался по груди. Шофер, забежав вперёд с картонной коробкой, распахивал стеклянную дверь. Взгляд Абрамишина блял. А грузин, стоящий тут же, топнул ножкой и зверски завернул левый ус. Они (грузин и Абрамишин) понимали друг друга с полувзгляда. Уж они бы не оплошали. Уж они бы быстро освоили эти ходячие номенклатурные ценности. Только б доверили им. (Кто? Партия? Правительство? А-а, хитрые!) Они были одного племени. Племени пожизненных бабников. Трепачей. Оба, что называется, били копытцами. Это их тренинг. Ежедневный, ежеминутный тренинг. Ведь сколько объектов вокруг! Сколько объектов! Вон, к примеру. Пожалуйста. Стоят три. В трико – как лыжи в чехлах. Сдающиеся напрокат. (Слалом, прыжки с трамплина, многочасовая лыжная гонка.) Или вон одна работает. Отдельно. Единоличница. Намазанные губы выпятила как соску. Это же тысяча и одна ночь!

Абрамишин подмигнул грузину, направился к девице. Потёрся возле. Незаинтересованно, посторонне. – «Сколько?» – спросил будто у ветра. «Так сколько же?» – всё вертелся Абрамишин, как будто не мог обойти столб. Девица похлопала нацинкованными ресницами как Чингачгук перьями: «У тебя денег не хватит, козел». Подумав, бросила цену. Ого! Абрамишин испуганно смеялся, отходя. Как облитый ледяной водой. Спекулянтка! Стяжательница! Весело развёл руками перед грузином: ростовщица своего тела! Жуткая процентщица! Кошмар! Однако когда пошёл, наконец, дальше, чувствовал большую готовность. Какая появляется после принятия золотого корня. Настойки, знаете ли. Кстати, не забыть купить в аптеке на вечер! Ну и других атрибутов побольше! И-эхххх! И-иго-го-о!

... Часто зимой простужался и подолгу болел. Мама тогда не брала с собой в садик. Весь кагал малолетний отпраплялся без него, Мойшика. Дядя Роберт сразу же принимался лечить. Прежде всего, ставил банки. И не больно нисколько. И не плачу даже. Жалко никто не видит. Завидно бы было. Им-то дядя Роберт не ставит. Ни одной банки. Прежде чем вляпать, он быстро сует и смазывает банку длинным огнем на палке. И – пок! В спину. Одну, вторую, третью... и четвёртую – пок! Четыре банки только помещается. «Однако спинка у тебя! – говорит всегда дядя Роберт. – Не спинка, а серенькая душка!» Почему серенькая душка? Что такое серенькая душка? Никогда не объяснит. И сдувает длинный огонь с палки. Накрывает банки простынёй. «Лежи! Не шевелись!» Садится на край кровати и берёт свою медицинскую книгу. Толстую. И не больно нисколько. Вытягивает только сильно. Серенькую душку. Дышать, вздохнуть даже невозможно. «А горчичники не будешь ставить?» – «Посмотрим». Всегда так отвечает. Ему хорошо, он врач. Что скажет, то и нужно делать. Будущий доктор, как мама говорит. Сдёргивает простыню. Сейчас... сейчас снимать будет. Вот... вот... «А-а-а! не больно! не больно! нисколько не больно!» Как мясо отдирает. «А-а-а! А горчичники не будешь ставить? Не будешь? Правда, ведь?» Молчит. Отвернувшись, что-то делает на табуретке. Чего он там делает? «А-а-а! Не хочу, не хочу, дядя Роберт! Не надо горчичники, не хочу! А-а-а!» Вляпал. На грудь теперь. Как сырую лягушку. Не пошевелиться. «Начнёт жечь – дай знать... Серенькая душка...» – «А-а-а! жжёт уже, жжёт, жжёт серенькую душку! Дядя Роберт! Душку! Уже жжёт! Серенькую! А-а-а!»... Потом после всего дядя Роберт читает сказку про Илью Муромца и Соловья-разбойника. А потом уже будет обед. А потом уже будет сон. А потом уже придёт мама...

Вечером, отогревая горсти рук своим дыханием, Фрида подходила и робко трогала головку сына. «Ну, как ты тут?» Мойшик зажмурился крепко-крепко. Как будто он спит. Дядя Роберт сидел на краю кровати, улыбался. Со всех сторон заглядывали то ли племянники его, то ли двоюродные братья. Мойшик больше не выдерживал – в одной рубашонке вскакивал на постели. Изо всех сил прижимал кучерявую голову дяди Роберта к себе. (Прямо Илья Муромец!) «Я люблю тебя как... как... как горчичник!» Все смеялись. Дядя Роберт похлопывал племянника по голой заднюшке, тоже смеялся. И царствовало над прыгающими радующимися детьми вечернее горящее окно, являя собой фантастически разрисованное государство.

6

В утренней стекляшке поджигаемые солнцем алюминиевые столы и стулья зыбились, теснились по залу, как цапли на сладостном утреннем озере. Инженер Абрамишин садился таким образом, чтобы видеть всё это. То есть на постоянное свое место в правом углу кафе. Закинутая на колено нога сразу закачалась. Прямая спина на спинке стула. Кулак в кармане брюк. Пальцы правой руки постукивают по столику. Губы улыбаются. В свое кафе пришёл завсегдагай. – «Зинка, вон, твой заявился. Ровно неделя прошла. Выходной у него сегодня». Официантка выискивала бога или чёрта на потолке, подходя к Абрамишину.

– Ну? Чего сегодня закажешь?

– Доброе утро. Как всегда. Один кофе.

Официантка пошла, встряхивая белой кофтой, как капустой. «Только черный!» – уточнил клиент... О-о-о!

При взгляде на кофе, поданном в стакане, на ум почему-то приходило сено. Сено для осла. Однако Абрамишин улыбался. Попросил принести в чашечке. И блюдечко обязательно. Знаете ли, в Эстонии...

– А нету! Все чашки побили! – Азартный потрясывающийся рот официантки был сродни ларьку. Подрагивала также и вся «капуста» на белой кофте.

Абрамишин улыбался. Нужно приучать, терпеливо приучать. (К чему? К культуре?) С любовью приучать. Да. Только с любовью. А вот в Эстонии, знаете ли...

– С собой теперь приноси! Из дому!.. Будешь пить или убрать?

Зачем так волноваться? Миротворец улыбался. Миротворец хотел мира. Мы же нормальные люди. Сколько радости кругом. Солнце светит. Столы, стулья, знаете ли, в нём. Рядом с тобой милое лицо жен...

– Да чёрт тебя дери! Будешь или не будешь?

Абрамишин, как защищаясь, провёл рукой по голове. Хотя в Эстонии, конечно... Убедили, знаете ли. Спасибо. В следующий раз будем надеяться. Только с любовью. Приучать, знаете ли. Спасибо. Сидит очень довольный жизнью человек. Улыбающийся человек. Совершенно верно, уважаемая. Будем знать. Из дома. Точно. С любовью. Принесём чашечку. Купим. В посудном магазине. Приучать. Извините. Спасибо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.